

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ УЧЕНИЕ О СУЩНОСТИ

§ 112 [264] *

Сущность есть понятие как *помещенное* понятие; в сфере сущности определения суть лишь *относительные*, но еще не рефлектированные в себя самое; поэтому понятие здесь не есть еще *для себя*. Сущность как бытие, опосредствующее себя собой через свою же отрицательность, есть отношение с самой собой, лишь будучи отношением с другим; это другое, однако, есть не как непосредственно сущее, а как *помещенное и опосредствованное*. Бытие не исчезло в сущности, но, с одной стороны, сущность как простое отношение с самой собой есть бытие, а с другой — бытие в его одностороннем определении есть *непосредственное, низведено лишь к отрицательному, к видимости* (zu einem Scheine). Сущность тем самым есть бытие как *видимость* (als Scheinen) в себе самой.

Примечание. Абсолютное есть *сущность*. Эта дефиниция постольку тождественна с дефиницией, что абсолютное есть *бытие*, поскольку бытие есть одновременно простое отношение с собой; но эта дефиниция вместе с тем выше, потому что сущность есть погруженное в *самое себя* бытие, т. е. простое отношение сущности с собой есть это отношение, *помещенное* как отрицание отрицательного, как опосредствование себя в самой себе самой собой. Но, когда определяют абсолютное как *сущность*, отрицательность часто понимают лишь в смысле *абстракции* от всех определенных предикатов. Это отрицательное действие, абстрагирование, оказывается тогда внешним сущности, и сама сущность есть, таким образом, лишь некий результат *без этой ее предпосылки*, сарит mortuum абстракции. Но так как эта отрицательность не есть внешнее бытию, а есть его собственная диалектика, то его истина, сущность, будет бытием, ушедшем в *самое себя*, или сущим в *самом себе*; отличие сущности от непосредственного бытия составляет *рефлексия*, ее видимость в себе самой, и эта рефлексия есть отличительное определение самой сущности.

§ 113 [268] *

Отношение с собой в сфере сущности есть форма *тождества*, рефлексии-в-самое-себя; последняя заняла здесь место *непосредственности бытия*; обе суть одни и те же абстракции отношения с собой.

Примечание. Лишенная мысли чувственность, принимающая все ограниченное и конечное за *сущее*, переходит в упорство рассудка, настойчиво понимающего это ограниченное и конечное как *нечто тождественное с собой*, в самом себе непротиворечивое.

§ 114 [268] *

Так как это тождество происходит из бытия, то сначала оно выступает как обремененное только определениями бытия и относящееся к ним как к чему-то *внеинему*. Если бытие берется обособленно от сущности, то оно называется *несущественным*. Но сущность есть в-себе бытие, она *существенна* лишь постольку, поскольку она имеет в самой себе свое отрицательное, отношение с другим, опосредствование. Она имеет поэтому в самой себе несущественное как свою собственную видимость. Но так как в видимости или опосредствовании содержится различие и так как различенное (как отличное от тождества, из которого оно происходит и в котором его нет или в котором оно содержитя как видимость) само получает форму тождества, то она, таким образом, имеет форму относящейся с собой непосредственности, или бытия; сфера сущности превращается благодаря этому в еще несовершенное соединение *непосредственности и опосредствования*. В ней все так положено, что она относится с самой собой и вместе с тем выводит за пределы самой себя, в ней все положено как *бытие рефлексии*, бытие, которое светится видимостью (*scheint*) в другом и в котором светится видимостью другое. Она поэтому есть также сфера *положенного противоречия*, которое в сфере бытия остается еще лишь в себе.

Примечание. Так как субстанциально во всем этом *одно и то же* понятие, то в развитии сущности встречаются те же самые определения, что и в развитии бытия, но в *рефлектированной* форме. Таким образом, вместо *бытия и ничто* выступают теперь формы *положительного и отрицательного*. Положительное в качестве *тождества* соответствует лишенному противоположности бытию, а отрицательное развито (светит-

ся видимостью в самом себе) как *различие*. Затем, здесь самостановление как *основание наличного бытия*, рефлектированного из основания, есть существование и т. д. Эта (труднейшая) часть логики содержит преимущественно категории метафизики и наук вообще как порождения рефлектирующего рассудка, который берет различия как *самостоятельные* и вместе с тем *также* признает их относительность; но, ставя обе эти мысли рядом или друг за другом, он связывает их лишь посредством слова *также*, не объединяя их в понятии.

А. СУЩНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

а. Чистые рефлексивные определения

а) *Тождество*

§ 115 [269] *

Сущность светится в *самой себе* видимостью, или есть чистая рефлексия;^{56a} таким образом, она есть лишь отношение с собой, но не как непосредственное отношение, а как рефлектированное, она есть *тождество с собой*.

Примечание. Это тождество есть *формальное* или *рассудочное* тождество постольку, поскольку его удерживают и *абстрагируют* от различия. Или, скорее, *абстракция* и есть полагание этого формального тождества, превращение в себе конкретного в эту форму простоты, безразлично, происходит ли это превращение так, что часть наличного в конкретном многообразии *отпускается* (посредством так называемого *анализирования*) и выделяется лишь *одна* его часть, или так, что, опуская различия многообразных определенностей, их *сливают в одну* определенность.

Тождество, связанное с абсолютом как субъектом предложения, гласит: *абсолют есть тождественное с собой*. Как ни истинно это суждение, оно все же двусмысленно, и остается неизвестным, берут ли его в

его надлежащем смысле или нет; оно поэтуому по меньшей мере неполно в своем выражении, ибо остается нерешенным, имеется ли здесь в виду абстрактное рассудочное *тождество*, т. е. тождество, противопоставленное другим определениям сущности, или имеется в виду тождество как в самом себе *конкретное*. Взятое во втором смысле, тождество, как окажется ниже, есть сначала *основание*, а затем поистине *понятие*. Да и само слово «*абсолютный*» часто употребляется в том же значении, что и слово «*абстрактный*»; так, например, *абсолютное* пространство, *абсолютное* время ничего другого не означают, кроме абстрактного пространства и абстрактного времени.

Определения сущности, взятые как *существенные* определения, становятся предикатами предполагаемого субъекта, и так как они существенны, то этот субъект есть *все*. Возникающие благодаря этому предложения были провозглашены *всеобщими законами мышления*. Закон *тождества* гласит: «*Все тождественно с собой, A = A*»; в отрицательной форме: «*A не может в одно и то же время быть A и не A*». Вместо того чтобы быть истинным законом мышления, это предложение есть не что иное, как закон *абстрактного рассудка*. Уже сама *форма* этого предложения находится в противоречии с ним, так как оно обещает различие между субъектом и предикатом и в то же время не дает того, чего требует его форма. В частности же, этот закон уничтожается следующими так называемыми законами мышления, которые устанавливают в качестве законов прямую его противоположность. Если утверждают, что хотя этот закон не может быть доказан, но *каждое* сознание действует согласно ему и, как показывает опыт, тотчас же соглашается с ним, как только оно его услышит, то этому мнимому школьному опыту следует противопоставить всеобщий опыт, что никакое сознание не мыслит, не образует представлений и т. д., не говорит согласно этому закону, что нет ни одной вещи, какого бы рода она ни была, которая существовала бы согласно ему. Выражения, следующие этому нормативному (*seinsollenden*) закону истины (планета есть планета, магнетизм есть магнетизм, дух есть дух), справедливо считаются глупыми: именно таков всеобщий опыт. Признающая только такие законы школа, а также ее логика, которая серьезно излагает их, давно дискредитировали себя как перед судом здравого смысла, так и перед судом разума.

β) *Различие*

§ 116 [272] *

Сущность есть лишь чистое тождество и видимость в самой себе, поскольку она есть относящаяся с собой отрицательность и, следовательно, отталкивание себя от самой себя; она, следовательно, существенно содержит в себе определение *различия*.

Примечание. Инобытие здесь больше уже не есть *качественное* инобытие, определенность, граница, а, как находящееся в сущности, относящейся к самой себе, отрицание есть вместе с тем отношение, различие, положенность, опосредствованность.

§ 117 [273] *

Различие есть: 1) *непосредственное* различие, *разность*, т. е. различие, в котором каждое различенное есть *само по себе* то, что оно есть, и равнодушно к своему отношению с другим, которое, таким образом, есть для него нечто внешнее. Вследствие равнодушия различных к своему отличию последнее пребывает вне их в чем-то третьем, *производящем сравнение*. Это внешнее различие есть — как тождество соотнесенных — *сходство*, а как нетождество их — *несходство*.

Примечание. Рассудок доводит разъединение этих определений до такой степени, что, хотя сравнение имеет один и тот же субстрат для сходства и несходства, оно все же видит в них различные *стороны* этого субстрата и разные точки зрения на него; однако сходство, взятое для себя, есть лишь прежнее определение — тождество, и несходство, взятое для себя, есть различие.

Разность тоже превратили в закон. Этот закон гласит: «*Все различно*» или: «*Нет двух вещей, которые были бы совершенно одинаковы*». Здесь «всему» приписывается предикат (различие), противоположный тому, который приписывался ему в первом положении (тождество); здесь, следовательно, дается закон, противоречащий первому закону. Можно попытаться устранить это противоречие, сказав: так как разность получается лишь благодаря внешнему сравнению, то всякое нечто, взятое для себя, только *тождественно себе*, и, таким образом, первый закон не противоречит второму. Но в таком случае разность также *не принадлежит*

жит нечто или всему, не составляет существенного определения этого субъекта; это второе положение, таким образом, не может быть даже и высказано. Если же, с другой стороны, *само* нечто, согласно положению, разностно, то оно таково благодаря *своей собственной* определенности; но в таком случае здесь уже имеется в виду не разность как таковая, а определенное различие. Таков именно смысл вышеприведенного положения Лейбница.

§ 118 [275]

Сходство (die Gleichheit) есть тождество лишь таких вещей, которые суть *не* одни и те же, не тождественны друг другу, и несходство есть *отношение* между несходными вещами. Эти два определения, следовательно, не распадаются на равнодушные друг к другу разные стороны или точки зрения, а каждое из них светится в другом. Разность есть поэтому различие рефлексии или *различие в самом себе, определенное* различие.

§ 119 [276] *

2) Различие *в себе* есть *существенное* различие *положительного* и *отрицательного*; первое есть тождественное отношение с собой таким образом, что оно *не* есть отрицательное, а второе есть различенное для себя таким образом, что оно *не* есть положительное. Так как каждое из них самостоятельно, поскольку оно не есть *другое*, то каждое из них *светится видимостью* в другом и есть лишь постольку, поскольку есть другое. Различие сущности есть поэтому *противоположение*, согласно которому различное имеет перед собой не *вообще* другое, а *свое* другое, т. е. каждое из различных имеет свое определение только в своем отношении с другим, рефлектировано в самое себя лишь постольку, поскольку оно рефлектировано в другое. И точно так же обстоит дело с другим. Каждое есть, таким образом, другое своего другого.

Примечание. Различие *в себе* дает положение: «Все существенно различно» или выраженное иначе: «Из двух противоположных предикатов лишь один может быть приписан некоторому нечто и не может быть ничего третьего». Этот закон противоположности противоречит самым явным образом закону тождества, так как нечто, согласно одному за-

кону, должно быть только *отношением с собой*, а согласно другому, оно должно быть *противоположным — отношением со своим другим*. В том-то и состоит своеобразная бессмыслица абстракции, что она ставит рядом как законы два таких противоречащих друг другу положения, даже не сравнивая их между собой. Закон *исключенного третьего* есть закон определяющего рассудка, который, желая избегнуть противоречия, как раз впадает в него. А, согласно этому закону, должно быть либо + A, либо – A; но этим уже положено третье A, которое не есть ни +, ни – и которое в *то же самое время* полагается и как + A, и как – A. Если + означает 6 миль направления на запад, а – 6 миль направления на восток, т. е. + и – уничтожают друг друга, то 6 миль пути или пространства остаются теми же, чем они были и без этой противоположности, и с нею. Даже голая противоположность + и – числа или абстрактного направления имеет, если угодно, свое третье, а именно нуль; мы, однако, не думаем отрицать, что пустая рассудочная противоположность между + и – занимает свое законное место в такого рода абстракциях, как число, направление и т. д.

В учении о контрадикторных понятиях одно понятие называется, например, голубым (даже чувственное представление цвета называется в таком учении понятием), а другое — *не-голубым*, так что выходит, что это другое не есть некое утвердительное, например *желтое*, а фиксируется лишь как абстрактно отрицательное. О том, что отрицательное в нем самом есть одновременно и положительное, смотри следующий параграф; это вытекает уже из определения, что противоположное некоему другому есть *его* другое. Пустота противоположности между так называемыми контрадикторными понятиями нашла свое полное выражение в той, так сказать, грандиозной формулировке всеобщего закона, согласно которой *каждая* вещь во *всех* так противополагаемых предикатах обладает одним и не обладает другим, какие бы предикаты мы ни взяли, так что дух есть либо белый, либо не-белый, либо желтый, либо не-желтый и т. д. до бесконечности.

Так как забывают, что тождество и противоположение сами противоположны друг другу, то принимают закон противоположения за закон тождества в форме закона противоречия, и *понятие*, которое не обладает ни одним из двух противоречащих друг другу признаков (см. выше) или обладает обоими, как, например, четырехугольный круг, объявля-

ется логически ложным. Хотя многоугольный круг и прямолинейная дуга круга также противоречат этому закону, геометры, не колеблясь, рассматривают круг как многоугольник, сторонами которого являются прямые линии. Но такая вещь, как круг (его простая определенность), еще не есть *понятие*; в понятии же круга центр и периферия одинаково существенны, оно обладает обоими признаками, и, однако, периферия и центр противоположны и противоречат друг другу.

Играющее такую важную роль в физике представление о *полярности* содержит в себе более правильное определение противоположения, но так как физика в своем понимании законов мысли придерживается обычной логики, то она ужаснулась бы, если бы она решилась развить понятие полярности и пришла бы к тем мыслям, которые заключаются в последней.

§ 120 [280]

Положительное есть то *различенное*, которое должно быть для себя и вместе с тем *не* должно оставаться безразличным к *своему* отношению со своим другим. *Отрицательное* должно быть самостоятельным, быть отрицательным отношением с собой, быть для себя, но вместе с тем оно как отрицательное необходимо иметь это свое отношение с собой, свое положительное, лишь в другом. Оба, следовательно, суть положенное противоречие, оба суть в себе одно и то же. Оба суть одно и то же также и для себя, так как каждое из них есть снятие другого и самого себя. Они оба поэтому погружаются в *основание* (gehen zu Grunde), или, иначе говоря, существенное различие как различие в себе и для себя есть непосредственно лишь отличие себя от самого себя, содержит в себе, следовательно, тождественное; к такому полному в себе и для себя сущему различию принадлежит, следовательно, как само оно, так и тождество. *Как относящееся с собой* различие, оно одновременно уже провозглашено и как тождественное с собой, и *противоположное* есть вообще то, что содержит в самом себе *одно и его другое, себя и свое противоположное*. В-себе-бытие сущности, определенное таким образом, есть *основание*.

γ) *Основание*

§ 121 [281] *

*Основание*⁵⁸ есть единство тождества и различия, оно есть истина того, чем оказалось различие и тождество, рефлексия-в-самое-себя, которая есть столь же и рефлексия-в-другое, и наоборот. Оно есть *сущность*, положенная как *тотальность*.

Примечание. Закон основания гласит: «Все имеет свое достаточное основание», т. е. истинная сущность нечто не состоит ни в определении нечто как тождественного с собой, ни в его определении как различного, ни в его определении как только положительного или только отрицательного, а состоит в том, что нечто имеет свое бытие в некоем другом, которое как его тождественное-с-собой есть его сущность. Последняя есть также не абстрактная рефлексия *в самое себя*, а рефлексия *в другое*. Основание есть *в самой себе* сущая сущность, сущность есть существенным образом основание, и она есть основание лишь постольку, поскольку она есть основание нечто, основание некоего другого.

§ 122 [286] *

Сущность есть сначала видимость и опосредствование *в самой себе*. Как тотальность опосредствования ее единство с собой теперь положено как снятие различий и поэтому снятие опосредствования. Это, следовательно, восстановление *непосредственности*, или *бытия*, но это восстановление бытия, поскольку оно опосредствовано снятием опосредствования. Это — *существование* (die Existenz).

Примечание. Основание здесь еще не имеет *содержания*, определенного в себе и для себя, оно также еще не есть цель, поэтому оно ни *действительно*, ни *продуктивно*; некое существование лишь *происходит* из основания. *Определенное* основание есть поэтому нечто формальное; оно есть какая-либо определенность, поскольку эта определенность полагается как *отнесенная с самой собой*, как утверждение (als Affirmation), находящееся в отношении с зависящим от него непосредственным существованием. Именно потому, что определенное основание есть *основание*, оно есть также *хорошее* основание, ибо «хорошее», говоря со-

вершенно абстрактно, — значит только некое утвердительное, и хороша всякая определенность, которая каким-нибудь образом может быть высказана как свершившееся утвердительное. Для всего поэтому можно найти и указать основание, и *хорошее основание* (например, хороший мотив действия) может вызвать какое-нибудь действие или *не вызвать* его, может иметь следствие или *не иметь* его. Побудительный мотив становится действием, например, лишь после присоединения к нему воли, и лишь воля делает его единственным и причиной.

b. Существование

§ 123 [287]

Существование есть непосредственное единство рефлексии-в-самое-себя и рефлексии-в-другое. Оно есть поэтому неопределенное множество существующих как рефлектированных в самое себя и одновременно также видимых в другом (*in-Anderes-scheinen*), *относительно* существующих, которые образуют мир взаимозависимостей и бесконечное сцепление оснований и обосновываемых. Основания сами суть существования, и существующие суть также со многих сторон столь же основания, сколь и обоснованные.

§ 124 [288] *

Рефлексия-в-другое существующего, однако, нераздельна от рефлексии-в-самое-себя; основание есть их единство, из которого произошло существование. Существующее содержит в самом себе поэтому относительность и свою многообразную связь с другими существующими и *рефлектирует* в самое себя как *основание*. Таким образом, существующее есть *вещь*.

Примечание. *Вещь в себе*, приобретшая такую известность в кантовской философии, показывает нам себя здесь в процессе своего возникновения, а именно как абстрактную рефлексию-в-самое-себя в противоположность рефлексии-в-другое и различенным определениям вообще — рефлексию, за которую цепляются как за пустую основу этих определений.

с. Вещь

§ 125 [289] *

Веицъ есть тотальность как положенное в едином развитии определений основания и существования. Со стороны одного из своих моментов — рефлексии-в-другое — она имеет в себе различия, благодаря которым она есть определенная и конкретная вещь. а) Эти определения различаются *друг от друга*; в вещах, а не в самих себе имеют они свою рефлексию-в-самое-себя. Они суть свойства вещей, и их отношение с вещами находит выражение в слове «обладать» (haben).

Примечание. Обладание как отношение занимает место бытия. Хотя нечто имеет также качество, но это перенесение обладания на сущее не точно, так как такая определенность, как качество, непосредственно едина с нечтo, и нечто *перестает быть*, когда оно теряет свое качество. *Веицъ* же есть рефлексия-в-самое-себя как тождество, отличное также и от различия, от своих определений. Глагол haben (обладать) употребляется во многих языках для обозначения прошедшего, и справедливо употребляется, так как прошедшее есть *снятое бытие*, и дух есть рефлексия-в-самое-себя этого прошедшего; лишь в духе оно имеет еще наличие (Bestehen), но дух отличает это снятое в нем бытие также и от себя.

§ 126 [290] *

β) Но рефлексия-в-другое есть в сфере основания непосредственно в себе самой также и рефлексия-в-самое-себя. Свойства поэтому также тождественны себе, *самостоятельны* и свободны от их связанности с вещью. Но так как они суть *отличные друг от друга* определенности вещи, они сами не суть вещи, ибо вещи конкретны, а суть в себя рефлектированные существования как абстрактные определенности, *материи*.

Примечание. Материи, например магнитическая, электрическая, и не называются *вещами*. Они суть качества в собственном смысле слова, единые со своим бытием, суть определенности, достигшие непосредственности как бытия, которое есть рефлектированное бытие, существование.

§ 127 [292]

Материя, таким образом, есть *абстрактная*, или неопределенная рефлексия-в-другое, или она есть рефлексия-в-самое-себя, но при этом как *определенная*; она есть поэтому *налично сущая вещность*, устойчивость вещей. Вещь, таким образом, имеет в материях свою рефлексию-в-самое-себя (противоположное тому, что мы видели в § 125), состоит не из себя, а *из материй*, и есть только их поверхностная связь, внешнее соединение их.

§ 128 [292] *

γ) Материя как *непосредственное единство* существования с собой также равнодушна к определенности; многие разные материи сливаются поэтому в *одну материю*, в существование, имеющее рефлексивное определение *тождества*; по отношению к единой материи эти различные определенности и внешнее *отношение*, в котором они находятся друг с другом в вещи, суть *форма*, т. е. рефлексивное определение различия, но как существующее и как *тотальность*.

Примечание. Эта единственная, лишенная определений материя есть то же самое, что и вещь в себе, но последняя в себе совершенно абстрактна, а материя есть в себе также сущее для другого, в первую очередь для формы.

§ 129 [293]

Вещь, таким образом, распадается на *материю* и *форму*, каждая из которых есть тотальность веществы и самостоятельно существует для себя. Но *материя*, которая должна быть положительным, неопределенным существованием, содержит как существование столь же рефлексию-в-другое, сколь и в-себе-бытие; как единство этих определений она сама есть тотальность формы. Форма же как тотальность уже содержит в себе определение рефлексии-в-самое-себя, или, иначе говоря, как *относящаяся с собой* форма она обладает тем, что должно составлять определение материи. Обе они суть *в себе одно и то же*. Это их единство, будучи *положено*, есть вообще *отношение* между формой и материей, которые тем не менее также и различны.

§ 130 [294] *

Вещь как эта тотальность представляет собой противоречие, заключающееся в том, что со стороны своего отрицательного единства она есть *форма*, в которой материя определена и низведена на степень *свойств* (§ 125), и вместе с тем она *состоит из материй*, которые в рефлексии вещи в самое себя столь же самостоятельны, сколь и подверглись отрицанию. Вещь, таким образом, есть существенное существование, снимающее себя в самом себе, есть *явление*.

Примечание. Отрицание, так же положенное в вещи, как и самостоятельность материй, мы встречаем в физике как *пористость*. Каждая из многочисленных материй (цветовое вещество, пахучее вещество и другие, среди которых, по мнению некоторых физиков, находится также и звуковое вещество, а затем еще и тепловое вещество, электрическая материя и т. д.) *также подвергается отрицанию*, и в этом их отрицании, в их порах находятся многие другие самостоятельные материи, которые также пористы и со своей стороны дают существовать внутри себя другим материям. Поры не представляют собой ничего эмпирического, а суть изобретение рассудка, который представляет себе таким образом момент отрицания самостоятельных материй и прикрывает дальнейшее развитие противоречий той туманной путаницей, в которой все матери *самостоятельны* и каждая из них также *отрицает* другую. Если подобным же образом гипостазируются способности или деятельности духа, то их живое единство тоже превращается в путаное представление о воздействии их друг на друга.

Как эти поры (речь идет не о порах в органических тела — о порах дерева, кожи и т. д., — а о порах в так называемых материях, как, например, в цветовом, тепловом и т. д. веществах или в металлах, кристаллах и т. п.) не находят своего подтверждения в опыте, так и сама материя, а также оторванная от формы вещь, слагающаяся из материй, или вещь, которая сама устойчива и лишь обладает свойствами, — все это продукты рефлектирующего рассудка, который, наблюдая и думая, что он сообщает то, что он наблюдает, на самом деле создает метафизику, представляющую во всех отношениях противоречие, остающееся, однако, от него скрытым.

В. ЯВЛЕНИЕ

§ 131 [295]

Сущность должна *являться*. Ее видимость (Scheinen) в ней есть ее снятие в непосредственность, которая как рефлексия-в-самой-себе есть *устойчивое существование* (Bestehen) (материя), тогда как *форма* есть рефлексия-в-другое, *снимающее себя* устойчивое существование. Видимость есть то определение, благодаря которому сущность есть не бытие, а сущность; развитая же видимость есть явление. Сущность поэтому не находится *за явлением* или *по ту сторону явления*, но именно потому, что сущность есть то, что существует, существование есть явление.

a. Мир явлений

§ 132 [297]

Являющееся существует таким образом, что его *устойчивость* непосредственно снимается, и последняя есть лишь один из моментов самой формы. Форма содержит в самой себе устойчивость, или материю, как одно из своих определений. Являющееся, таким образом, имеет свое основание в материи как в своей сущности, в рефлексии-в-самое-себя, противоположной своей непосредственности, но тем самым являющееся имеет свое основание только в другой определенности формы. Это его основание есть также являющееся, и явление, таким образом, движется вперед в бесконечном опосредствовании устойчивой формой и, следовательно, также и отсутствием устойчивости. Это бесконечное опосредствование есть вместе с тем некоторое единство отношения с собой, и существование развертывается в *тотальность и мир явлений*, в мир рефлектированной конечности.

b. Содержание и форма

§ 133 [298] *

Внеположность мира явлений есть тотальность и полностью содержитя в своем *отношении с собой*. Отношение явления с собой, таким

образом, вполне определенно, имеет *форму* в самом себе, и так как оно обладает ею в этой тождественности, то оно обладает ею как существенной устойчивостью. Таким образом, форма есть *содержание*, а в своей развитой определенности она есть закон явлений. В форму же, поскольку она не рефлектирована в самое себя, входит отрицательный момент явления, несамостоятельное и изменчивое, — она есть равнодушная, *внешняя форма*.

Примечание. При рассмотрении противоположности между формой и содержанием существенно важно не упускать из виду, что содержание не бесформенно, а форма в одно и то же время и содержится в *самом содержании*, и представляет собой нечто *внешнее* ему. Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она как рефлектированная в самое себя есть содержание; во-вторых, она как нерефлектированная в самое себя есть внешнее, безразличное для содержания существование. В себе здесь дано абсолютное отношение между формой и содержанием, а именно: переход их друг в друга, так что *содержание* есть не что иное, как *переход формы в содержание, а форма — переход содержания в форму*. Этот переход есть одно из важнейших определений. Но он *полагается* впервые в *абсолютном отношении*.

§ 134 [300]

Но *непосредственное* существование есть определенность как самой устойчивости содержания, так и формы. Это непосредственное существование есть поэтому в той же мере внешнее определенности содержания, в какой эта внешность, которой содержание обладает благодаря моменту своей устойчивости, важна для содержания. Явление, положенное таким образом, есть *отношение*, в котором одно и то же, содержание есть развитая форма, внешность и *противоположность* самостоятельных существований и их *тождественное* отношение, и только в этом тождественном отношении различные и суть то, что они суть.

c. Отношение

§ 135 [301]

а) *Непосредственное* отношение есть отношение целого и *частей*; содержание есть целое и *состоит из* частей (формы), из своей противо-

положности. Части отличны друг от друга и самостоятельны. Но они представляют собой части только в их тождественном отношении друг с другом или, другими словами, постольку, поскольку они, взятые вместе, составляют целое. Но это *вместе* есть противоположность и отрицание части.

§ 136 [302] *

β) Тождественное в этом отношении, имеющееся в нем отношение с собой, непосредственно есть, следовательно, *отрицательное* отношение с собой. И оно есть такое отношение именно как опосредствование, в котором тождественное *равнодушино* к различию, и в то же время оно [тождественное] есть *отрицательное* отношение с собой, которое отталкивает самое себя как рефлексию-в-самое-себя к различию, полагает себя существующим как рефлексия-в-другое и, наоборот, возвращает эту рефлексию-в-другое к отношению с собой и к равнодушию; это — отношение *силы* и ее *обнаружения*.

Примечание. Отношение целого и частей есть непосредственное и потому лишенное мысли отношение и переход тождества-с-собой в разность.

Здесь переходят от целого к частям и от частей к целому, забывая, что каждый из этих двух членов противоположен другому, и принимая то целое, то части за самостоятельные существования. Или, иными словами, так как части существуют в целом, а целое состоит из частей, то в разное время то один, то другой член есть *устойчивое* существование, а его другое — *несущественное*. Механическое отношение в его поверхностной форме состоит вообще в том, что части выступают как самостоятельные по отношению друг к другу и к целому.

Прогресс в бесконечное, связанный с делимостью материи, может воспользоваться также этим отношением, и он состоит тогда в лишенном мысли попаременном чередовании обеих этих сторон. Вещь берут вначале как нечто *целое*, а затем переходят к *определению частей*; это определение после этого забывается, и то, что было частью, рассматривается как целое, затем снова выступает определение части и т. д. до бесконечности. Но эта бесконечность, взятая как отрицательное, представляет собой *отрицательное* отношение отношения к себе, силу, тождественное с собой целое как в-себе-бытие и как снимающее это в-себе-

бытие и обнаруживающее себя и, наоборот, обнаружение, исчезающее и возвращающееся в силу.

Несмотря на эту бесконечность, сила также и конечна, ибо содержание, то, что представляет собой *одно и то же* в силе и ее обнаружении, есть это тождество лишь *в себе*; каждая сторона отношения еще не есть для себя конкретное тождество, еще не есть тотальность. Обе стороны вследствие этого разнятся друг от друга, и отношение их есть нечто *конечное*. Сила нуждается поэтому в возбуждении извне, действует слепо, и благодаря этой неудовлетворительности формы содержание также ограничено и случайно. Оно еще не истинно тождественно с формой, еще не представляет собой понятия и цели, которая была бы в себе и для себя определенной целью. Это различие в высшей степени существенно, но его нелегко понять: оно точно определяется лишь в самом понятии цели. Если его не принимают во внимание, то это приводит к путаному пониманию бога как силы; этой путаностью страдает в особенности понимание бога *Гердером*.

Часто говорят, что *природа самой силы неизвестна* и мы познаем лишь ее обнаружение. Но с одной стороны, *определение содержания силы целиком совпадает с содержанием обнаружения*, и объяснение какого-нибудь явления некоей силой есть поэтому пустая тавтология. То, что остается неизвестным, есть, следовательно, на самом деле не что иное, как та пустая форма рефлексии-в-самое-себя, которая только и отличает силу от обнаружения, — форма, которая как раз довольно хорошо известна. Эта форма ничего не прибавляет к содержанию и к закону, которые познаются единственно только из явления. Нас, кроме того, всегда уверяют, что, говоря об обнаружении силы, мы ничего не утверждаем относительно природы силы. Непонятно в таком случае, зачем форма силы введена в науку. С другой стороны, природа силы во всяком случае есть нечто неизвестное, ибо еще недостает необходимости связи содержания силы как в самом себе, так и в его ограниченности, т. е. в определенности содержания силы через посредство некоего другого вне его.

§ 137 [307]

Сила как целое, в самом себе отрицательное отношение с собой, есть отталкивание себя от себя и *обнаружение себя вовне*. Но так как эта рефлексия-в-другое, различие частей есть столь же рефлексия-в-самое-

себя, то обнаружение есть опосредствование, благодаря которому сила, возвращающаяся в самое себя, существует как сила. Само ее обнаружение есть снятие различия обеих сторон, которое налично в этом отношении, и полагание тождества, которое *в себе* составляет содержание. Истина силы есть поэтому отношение, две стороны которого различаются между собой как *внешнее и внутреннее*.

§ 138 [307]

γ) *Внутреннее* есть основание в качестве голой формы одной *стороны явления и отношения*, в качестве пустой формы рефлексии-в-самое-себя, которой противостоит точно так же существование как форма другой стороны отношения с пустым определением рефлексии-в-другое — как *внешнее*. Их тождество есть наполненное тождество, *содержание*, положенное в процессе движения силы *единство* рефлексии-в-самое-себя и рефлексии-в-другое. Оба [внутреннее и внешнее] суть та же самая *единая* тотальность и делают это единство содержанием.

§ 139 [307]

Внешнее есть поэтому, *во-первых, то же самое содержание*, что и внутреннее. То, что внутренне, налично также внешне, и наоборот. Явление не показывает ничего такого, чего не было бы в сущности, и в сущности нет ничего такого, что не являлось бы.

§ 140 [307] *

Но *во-вторых*, внутреннее и внешнее есть также определения формы и совершенно *противоположны* друг другу, так как одно есть абстракция тождества с собой, а другое есть абстракция голого многообразия, или реальности. Но ввиду того, что они как моменты единой формы существенно тождественны, положенное только *лишь* в одной абстракции есть *непосредственно* также *лишь* в другой. Поэтому то, что есть *лишь* некое *внутреннее*, есть также *лишь* некое *внешнее*; и то, что есть *лишь* *внешнее*, есть также *лишь* только *внутреннее*.

Примечание. Обычная ошибка рефлексии состоит в том, что она рассматривает *сущность* как нечто только *внутреннее*. Если сущность

берут только с этой стороны, то этот способ рассмотрения ее также совершенно *внешен*, и так понимаемая сущность есть пустая внешняя абстракция.

Природы внутреннюю суть, —
говорит один поэт, —
Познать бессилен ум людской;
Он счастлив, если видит путь
К знакомству с *внешней* скорлупой *)⁶⁰.

Поэт скорее должен был бы сказать, что тогда именно, когда сущность природы определяется для него как *внутреннее*, он знает лишь *внешнюю* скорлупу. В бытии вообще, а также в только чувственном восприятии, пока *понятие* есть лишь внутреннее, оно есть нечто внешнее бытию и чувственному восприятию, есть субъективное, лишенное истины бытие и мышление. Поскольку понятие, цель, закон суть пока лишь *внутренние* задатки, чистые возможности, они как в природе, так и в духе суть вначале лишь внешняя неорганическая природа, наука кого-то третьего, чуждая власть и т. д.

Каков человек внешне, т. е. в своих действиях (речь идет, конечно, не о телесной внешности, не о наружности), таков он и внутренне, и если он *только* внутренний, т. е. если он остается добродетельным, моральным и т. д. *только* в области намерений, умонастроений, а его внешнее не тождественно с его внутренним, то одно так же бессодержательно и пусто, как и другое.

§ 141 [312]

Пустые абстракции, посредством которых тождественное содержание удерживается в отношении, снимают себя в непосредственном переходе одной в другую. Само содержание есть не что иное, как их тождество (§ 138); они суть видимость сущности, положенной как видимость. Через обнаружение силы внутреннее полагается в *существовании*; это

*) Ср. гневное восклицание Гёте в «Zur Naturwissenschaft» (Zur Morphologie), т. I, тетрадь 3-я:

Всю жизнь об этом мне твердят без толку,
Я ж негодую – хоть и втихомолку;
На скорлупу и на ядро бесцельно
Делить природу: все в ней нераздельно.

полагание есть опосредствование пустыми абстракциями; оно исчезает в самом себе и становится *непосредственностью*, в которой *внутреннее и внешнее тождественны в себе и для себя*, и их различие определено как лишь положенность. Это тождество есть *действительность*.

C. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

§ 142 [312] *

Действительность есть ставшее непосредственным единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего. Обнаружение действительного есть само действительное, так что оно в этом обнаружении также остается существенным и лишь постольку существенно, поскольку оно имеется в непосредственном внешнем существовании.

Примечание. Раньше мы имели в качестве форм непосредственного бытие и существование; бытие есть вообще нерефлектированная непосредственность и переход в другое. Существование есть непосредственное единство бытия и рефлексии; оно поэтому — явление, которое возникает из основания и погружается в основание. Действительное есть положенность этого единства, ставшее тождественным с собой отношение; оно поэтому не подвержено переходу, и его внешность (*Äußerlichkeit*) есть его энергия; оно в последней рефлектировано в себя; его наличное бытие есть лишь проявление самого себя, а не другого.

§ 143 [314] *

Действительность как данное конкретное содержит в себе вышеуказанные определения и их различия, она есть поэтому также и их развитие, так что вместе с тем они в ней определены как видимость, как лишь положенные (§ 141).

а) Как *тождество* вообще действительность есть прежде всего *возможность*, есть рефлексия-в-самое-себя, которая положена как противостоящая конкретному единству действительного, как *абстрактная и несущественная сущность*. Возможность есть то, что *существенно* для действительности, но существенно таким образом, что есть вместе с тем *только возможность*.

Примечание. Именно определение *возможности*, вероятно, привело Канта к тому, чтобы рассматривать ее и вместе с нею действительность

и необходимость как *модальности*, «потому что эти определения абсолютно ничего не прибавляют к понятию, а лишь выражают отношение к способности познания»⁶³. На самом деле возможность есть пустая абстракция рефлексии-в-самое-себя, есть то же самое, что выше называлось внутренним, с тем лишь различием, что оно теперь определено как снятое, *только положенное*, внешнее внутреннее и, таким образом, несомненно, также *положено* как голая модальность, как недостаточная абстракция или, говоря конкретнее, как принадлежащее лишь субъективному мышлению. Напротив, действительность и необходимость поистине менее всего суть лишь *способ рассмотрения* для некоего другого, а представляют собой как раз противоположное: они положены как то, что есть не только положенное, а завершенное в себе конкретное.

Так как возможность по сравнению с конкретным как действительностью есть ближайшим образом только форма *тождества с собой*, то правилом для нее служит только требование, чтобы ничто не противоречило себе в самом себе, и, таким образом, *все возможно*, ибо всякому содержанию можно посредством абстракции сообщить эту форму тождества. Но *все* столь же *невозможно*, ибо так как всякое содержание есть конкретное, то определенность может быть понята в нем как определенная противоположность и, следовательно, как противоречие. Нет поэтому более пустых разговоров, чем разговоры о возможности и невозможности. В философии в особенности не должно быть речи о том, чтобы показать, что *ничто возможно* (или что *возможно еще нечто другое*) и что нечто, как это также выражают, *мыслимо*. Историка следует также непосредственно предостерегать против употребления этой категории, которая, как мы объяснили, уже сама по себе неистинна; но остроумие пустого рассудка больше всего наслаждается праздным придумыванием различных возможностей.

§ 144 [317]

β) Но действительное в его отличии от возможности как рефлексии-в-самое-себя само есть только *внешнее конкретное, несущественное* непосредственное. Или, иными словами, оно непосредственно, поскольку само действительное есть первоначально (§ 142) простое, лишь непосредственное единство внутреннего и внешнего, есть *несущественное* внешнее и, таким образом, одновременно (§ 140) лишь *внутреннее*, аб-

стракция рефлексии-в-самое-себя; оно само, следовательно, определено как нечто *лишь* возможное. Оцениваемая как одна лишь возможность действительность есть нечто *случайное*, и, обратно, возможное само есть только *случайное*.

§ 145 [318]

Возможность и случайность суть моменты действительности, суть внутреннее и внешнее, положенные лишь как формы, которые составляют *внешность* действительного. Они имеют свою рефлексию-в-самое-себя в лице *в самом себе* определенного действительного, в лице *содержания* как их существенного определяющего основания.

Конечность случайного и возможного состоит поэтому, как мы видим теперь, в том, что определение формы отлично от содержания, и, возможно или случайно нечто, зависит от содержания.

§ 146 [320]

Вышеуказанная *внешняя* сторона действительности обнаруживает при ближайшем рассмотрении, что случайность как непосредственная действительность есть то, что тождественно с собой, но она есть тождественное с собой существенно лишь как *помещенность*, которая в то же время снята, есть налично существующая внешность. Внешняя сторона действительности есть, таким образом, нечто *предположенное*, непосредственное наличное бытие которого есть вместе с тем *возможность* и по своему определению должна быть снята; быть возможностью иного есть *условие*.

§ 147 [321] *

γ) Эта внешность действительности, развитая, таким образом, как *круг определений* возможности и непосредственной действительности, развитая как *опосредствование* их друг другом, есть *реальная возможность* вообще. Как такой круг она, далее, есть *тотальность*, есть, таким образом, *содержание*, определенный в себе и для себя *предмет* (*Sache*); рассматриваемая же со стороны различия определений в этом единстве, она также есть сама по себе конкретная *тотальность формы*, есть непо-

средственное самопереведение внутреннего во внешнее и внешнего во внутреннее. Это самодвижение формы есть *деятельность*, приведение в действие предмета как *реального основания*, которое снимает себя в действительности, с одной стороны, и приведение в действие случайной действительности, условий, а именно рефлексия условий в самое себя и снятие ими самих себя в другой действительности, в действительности самого *предмета* (*Sache*) — с другой. Когда *все условия* имеются налицо, предмет необходимо *должен* стать действительным, и сам предмет есть одно из условий, ибо, будучи вначале лишь внутренним, сам он есть лишь некое предположенное. *Развитая* действительность как совпадающая в едином смена внутреннего и внешнего, смена их противоположных движений, объединенных в *одно* движение, есть *необходимость*.

Примечание. Необходимость, пожалуй, правильно определяли как единство возможности и действительности. Но, выраженное лишь таким образом, это определение поверхностно и вследствие этого непонятно. Понятие необходимости очень трудно; оно трудно именно потому, что необходимость есть само понятие, чьи моменты следует понимать как действительности, которые вместе с тем суть лишь формы, в себе разделенные и преходящие. Мы поэтому дадим в следующих двух параграфах еще более подробное изложение моментов, составляющих необходимость.

§ 148 [326]

Из трех моментов процесса необходимости — *условия, предмета* (*der Sache*) и *деятельности* —

а. *Условие* а) есть нечто предполагаемое (*das Vorausgesetzte*); как только *полагаемое* условие существует лишь по отношению к предмету, но как *предполагаемое* оно есть для себя случайное, внешнее обстоятельство, существующее безотносительно к предмету. Но, будучи случайным по отношению к предмету, который есть тотальность, это предполагаемое есть вместе с тем *полный круг условий*. β) Условия *пассивны*, употребляются как материал для предмета и, следовательно, входят в *содержание* предмета; они также соответствуют этому содержанию и уже содержат в себе *все его определения*.

б. *Предмет* есть точно так же а) нечто предполагаемое; как *полагаемый*, он есть только нечто внутреннее и возможное, а как *предполага-*

емый — некое самостоятельное для себя содержание. β) Посредством использования условий предмет получает свое внешнее существование, реализует свои содержательные определения, которые со своей стороны соответствуют условиям, так что оказывается, что предмет произведен условиями и обязан им своими определениями.

с. *Деятельность* точно так же α) есть для себя (некоторый человек, некоторый характер), существует самостоятельно, и вместе с тем она возможна лишь там, где имеются условия и предмет. β) Она есть движение, переводящее условия в предмет и последний в условия как в сферу существования, или, вернее, движение, выводящее предмет из условий, в которых он имеется *в себе*, и дающее предмету существование посредством снятия существования, которым обладают условия.

Поскольку эти три момента обладают в отношении друг друга формой *самостоятельного существования*, этот процесс выступает как *внешняя необходимость*. Эта необходимость имеет своим предметом некоторое *ограниченное* содержание, ибо предмет есть это целое в *простой определенности*; но так как это целое по своей форме внешне себе, оно тем самым внешне себе также и в самом себе — по своему содержанию, и эта внешность в предмете есть предел его содержания.

§ 149 [327]

Необходимость поэтому есть в себе *единая, тождественная с собой*, но полная содержания сущность, которая так светится видимостью в самой себе, что ее различия принимают форму *самостоятельных действительностей*, и это тождественное есть вместе с тем (как абсолютная *форма*) *деятельность снятия* [непосредственности] в опосредованном бытии, и опосредствования в непосредственности. То, что необходимо, существует через *другое*, которое распалось на *опосредствующее основание* (предмет и деятельность) и на некую *непосредственную* действительность, на случайное, которое вместе с тем есть условие. Необходимое как сущее через некое другое не есть в себе и для себя, а есть лишь *положенное*. Но это опосредствование есть в то же время непосредственно снятие самого себя. Основание и случайное условие переводятся в непосредственность, вследствие чего эта положенность снимается в действительности, и предмет *возвращается к самому себе*.

В этом возвращении в самое себя необходимое *просто есть* как безусловная действительность. Необходимое есть, таким образом, то, что *опосредствовано* кругом обстоятельств; оно таково, потому что обстоятельства таковы, и в то же время оно таково *непосредственно*, оно таково, потому что оно есть.

a. Субстанциальное отношение

§ 150 [328]

Необходимое есть в самом себе *абсолютное отношение*, т. е. тот раскрытый нами (в предшествующих параграфах) процесс, в котором отношение также снимает себя и переводит в абсолютное тождество.

В своей непосредственной форме оно есть отношение *субстанциальности и акцидентальности*. Абсолютное тождество этого отношения с собой есть *субстанция* как таковая, которая как необходимость есть отрицательность этой формы внутреннего существования и, следовательно, полагает себя как *действительность*. Однако она точно так же есть *отрицательность* того внешнего существования, согласно которому действительность как непосредственное есть лишь нечто *акцидентальное*, благодаря одной лишь возможности переходящее в некоторую другую действительность. Этот *переход* есть субстанциальное тождество как *деятельность формы* (§ 148, 149).

§ 151 [328]

Субстанция есть, таким образом, тотальность акциденций, в которых она открывается как их абсолютная отрицательность, т. е. как *абсолютная мощь*, и вместе с тем как *богатство всякого содержания*. Но это содержание есть не что иное, как сама эта манифестация, поскольку рефлектированная в самое себя, перешедшая в содержание определенность сама есть лишь момент формы, которая переходит в *мощь* субстанции. Субстанциальность есть абсолютная деятельность формы и мощь необходимости, и всякое содержание есть лишь момент, который принадлежит только этому процессу, есть абсолютное превращение друг в друга формы и содержания.

§ 152 [331]

Вследствие того что субстанция как абсолютная мощь есть мощь, которая *относится к себе* лишь как к внутренней возможности и, следовательно, определяет себя к акцидентальности, мощь, от которой отличается полагаемая при этом внешность, субстанция есть особое *отношение* (точно так же, как в первой форме необходимости она есть субстанция). Она есть *причинное отношение*.

b. Причинное отношение

§ 153 [331] *

Субстанция есть *причина*, поскольку она, с одной стороны, в противоположность своему переходу в акцидентальность, рефлектирована в самое себя и, таким образом, есть *изначальная вещь* (*ursprüngliche Sache*), с другой стороны, она вместе с тем снимает рефлексию-в-самое-себя или свою голую возможность, полагает себя в качестве своего отрицательного и таким образом порождает некое *действие*, некую действительность, которая, следовательно, есть лишь *положенная*, однако благодаря процессу действования вместе с тем также и необходимая действительность.

Примечание. Как *изначальная вещь*, причина обладает определением абсолютной самостоятельности и устойчивого существования по отношению к действию, но в необходимости, тождество которой и составляет сама вышеуказанная изначальность, она переходит в действие, и только в него. В действии нет иного содержания (поскольку здесь снова может идти речь об определенном содержании), чем в причине; вышеуказанное тождество представляет собой само абсолютное содержание. Но это тождество есть также определение формы, изначальность причины снимается в действии, в котором она делает себя *положенностью*. Причина все же при этом не исчезает, и действие не становится единственным действительным, ибо эта *положенность* точно так же непосредственно снята, она есть скорее рефлексия причины в самое себя, ее изначальность; лишь в действии причина действительна и есть причина. Причина в себе и для себя есть поэтому *causa sui*.

Якоби, увязший в одностороннем представлении опосредствования, считал («Briefe über Spinoza», 2-е изд., стр. 416) *causa sui* (или *effectus sui*, что то же самое), эту абсолютную истину причины, одним лишь формализмом. Он также утверждает, что бог должен быть определен не как основание, но по существу как причина вещей. Более основательное размышление о природе причины показало бы ему, что он этим не достиг того, чего хотел. Даже в *конечной* причине и в представлении о ней имеется налицо это тождество в отношении содержания; дождь (причина) и мокрота (действие) суть одна и та же существующая вода. Что же касается формы, то в действии (в мокроте) причина (дождь) отпадает, но этим самым отпадает также и определение действия, которое без причины есть ничто, и остается только безразличная мокрота.

Причина в обычном смысле причинного отношения *конечна*, поскольку ее содержание конечно (как, например, в конечных субстанциях) и поскольку мы представляем себе причину и действие как два различных самостоятельных существования, но они таковы лишь в том случае, когда мы, рассматривая их, абстрагируемся от причинного отношения. Так как в сфере конечности мы никогда не выходим за пределы различия определений форм в их отношении, то попеременно причина определяется *также* как некоторое *последнее*, или *действие*; она тогда имеет в свою очередь другую причину. Так возникает и здесь прогресс в бесконечность, идущий от действия к причинам. И точно так же получается *нисходящий* прогресс, когда действие, рассматриваемое со стороны тождества с причиной, само определяется нами как причина, и именно как некая *другая* причина, которая в свою очередь порождает другие действия и т. д. до бесконечности.

§ 154 [333] *

Действие отличается от причины; первое как таковое есть *положенность*. Но положенность есть одновременно и рефлексия-в-самое-себя, и непосредственность, и действование причины, полагание ее есть вместе с тем *предполагание*, поскольку мы крепко держимся отличия действия от причины. Тем самым дана, следовательно, *другая субстанция*, на которую направлено действие. Как *непосредственная* эта другая субстанция не есть относящаяся с собой отрицательность и она не

активна, а пассивна. Но как субстанция она также и активна, снимает первоначально положенную непосредственность и положенное в нее действие: она *реагирует*, т. е. снимает активность первой субстанции, которая со своей стороны есть это снятие своей непосредственности, или действия, положенного в ней; эта первая субстанция снимает, следовательно, активность другой субстанции и также реагирует. Таким образом, причинность переходит в отношение взаимодействия.

Примечание. Хотя во взаимодействии причинность еще не положена в своем истинном определении, в нем все же бесконечный прогресс причин и действий снят истинным образом, ибо однонаправленный переход от причин к действиям и от действий к причинам отклоняется от своего пути и принимает *обратное направление*. Этот поворот бесконечного прогресса к замкнутому в самом себе отношению состоит здесь, как и повсюду, в простой рефлексии того, что в этом лишенном мысли повторении имеется лишь одно и то же, а именно: две причины и их отношение друг к другу. Развитие этого отношения, взаимодействие само, однако, есть чередование *различения* — различения не причин, а моментов, в *каждом из которых, взятом для себя*, полагается также и *другой момент*, именно потому, что они нераздельны и вследствие этого *тождественны*, так как причина есть причина в действии и действие есть действие в причине.

с. Взаимодействие

§ 155 [334]

Определения, которые удержаны во взаимодействии как различные, суть а) *в себе* одно и то же; одна сторона столь же есть причина, первоначальное, активное, пассивное и т. д., как и другая. Точно так же предполагание другого определения и действие на него, непосредственная изначальность и положенность посредством смены суть одни и те же в обеих сторонах. Вследствие своей непосредственности причина, принимаемая как *первая, пассивна*, есть *положенность и действие*. Различие названных выше двух причин поэтому бессодержательно, и, собственно говоря, *в себе* существует лишь *одна* причина, которая столь же снимает себя как субстанцию в своем действии, сколь и утверждает свою самостоятельность как причины только в этом производимом ею действии.

§ 156 [334]

[β] Но это единство есть также и *для себя*, так как все это взаимное чередование моментов есть, собственно говоря, *полагание* причиной самой себя, и лишь это полагание есть ее бытие. Несущественность различия есть не только в себе, или наша рефлексия (предшествующий параграф), но само взаимодействие означает, что каждое из положенных определений снова снимается и превращается в противоположное, означает, следовательно, полагание той несущественности моментов, которая есть в себе. В изначальность полагается действие, т. е. изначальность снимается; действие причины становится реакцией и т. д.

§ 157 [336]

[γ] Это чистое чередование с самим собой есть, таким образом, *раскрытая*, или *положенная, необходимость*. Связь необходимости как такой есть тождество, еще *внутреннее* и скрытое тождество, потому что оно есть тождество таких вещей, которые считаются *действительными*, но самостоятельностью которых именно и должна быть необходимость. Шествие субстанции через причинность и взаимодействие есть поэтому лишь *полагание* того, что *самостоятельность* есть бесконечное *отрицательное* отношение с *собой*; оно есть отрицательное отношение вообще, в котором различие и опосредствование превращаются в изначальность взаимно *самостоятельных действительных* вещей; оно есть бесконечное *отношение с самим собой*, потому что их самостоятельность выступает лишь как их тождество.

§ 158 [336]

Эта *истина необходимости* есть, следовательно, *свобода*, и *истина субстанции* есть *понятие*, самостоятельность, которая есть отталкивание себя от себя в различные самостоятельные существования, и именно как это отталкивание, тождественна с собой; и это пребывающее *у самого себя* взаимодвижение остается лишь *с самим собой*.

§ 159 [338] *

Понятие есть, следовательно, *истина бытия и сущности*, так как видимость рефлексии-в-самое-себя есть в то же время самостоятельная

непосредственность, и это бытие различенной действительности есть непосредственно лишь видимость *в себе самой*.

Примечание. Так как понятие оказалось истиной бытия и сущности, которые *возвратились* в него как в свое основание, то и оно, наоборот, *развилось из бытия* как из своего основания. Первая сторона этого поступательного движения может рассматриваться как *углубление* бытия в самое себя, причем благодаря этому поступательному движению раскрылось его внутреннее; вторая же сторона может рассматриваться как *происхождение более совершенного из менее совершенного*. Так как такое развитие рассматривалось лишь с последней стороны, то это ставилось в упрек философии. Более определенный смысл, который здесь имеют эти поверхностные мысли о менее совершенном и более совершенном, состоит в отличии бытия как *непосредственного единства с собой* от *понятия как свободного опосредствования собой*. Так как *бытие обнаружило себя моментом понятия*, то последнее, следовательно, оказалось истиной бытия. Как эта рефлексия-в-самое-себя и как *снятие опосредствования* понятие есть *предполагание непосредственного* — предполагание, тождественное с возвращением в самое себя, а это тождество составляет свободу и понятие. Если поэтому этот *момент понятия* называют несовершенным, то понятие, совершенное, несомненно, развивается из несовершенного, ибо оно существенно есть это снятие своей предпосылки. Но в то же время именно понятие, полагая себя, создает эту предпосылку, как это обнаружилось при рассмотрении причинности вообще и взаимодействия в особенности.

Понятие определено по отношению к бытию и сущности таким образом, что оно есть *сущность, возвратившаяся к бытию* как к простой непосредственности, благодаря чему его видимость обладает действительностью и ее действительность есть вместе с тем *свободная видимость в себе самой*. Бытие имеет понятие, следовательно, как свое простое отношение с собой, или как непосредственность своего единства *в самом себе*. Бытие есть столь бедное определение, что оно есть наименьшее, что мы можем указать в понятии.

Переход от необходимости к свободе или от действительного к понятию очень труден потому, что мы должны мыслить самостоятельную действительность как обладающую всей своей субстанциальностью в ее переходе и тождестве с ее *другой* самостоятельной действительностью; таким образом, и понятие также очень трудно для понимания, потому

что оно само и есть это тождество. Но действительная субстанция как таковая — причина, которая в своем для-себя-бытии ничему не хочет давать проникнуть в самое себя, — уже подчинена *необходимости* (или судьбе) перейти в положенность, и это подчинение как раз и представляет собой наибольшую трудность. *Мышление* необходимости, напротив, есть скорее разрешение этой трудности, ибо оно есть совпадение себя в другом с *самим собой*; оно есть *освобождение*, которое не есть бегство в абстракцию, а состоит в том, что в другом действительном, с которым действительное связано властью необходимости, оно не имеет себя как другое, а имеет свое собственное бытие и полагание. Как *существующее для себя* это освобождение называется «я»; как развитое в свою тотальность — *свободный дух*; как чувство — *любовь*; как наслаждение — *блаженство*. Великое воззрение спинозовской субстанции есть лишь *в себе освобождение от конечного для-себя-бытия*, понятие же само есть *для себя* мощь необходимости и *действительная свобода*.